

ГЛАВА VII ВОЗВРАТ К СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОМУ ИДЕАЛУ («Перестройка»)

ПЕРЕЛОМ В МАСШТАБЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Смерть Л. И. Брежнева, как и всякий уход первого лица, всякая смена персонификации синкретического государства, должна была стать стимулом новой интерпретации нравственных изменений в обществе, в данном случае — *далеко зашедшего локализма, превратившего авторитаризм в пародию.*

Пришедший к власти Ю. В. Андропов (ноябрь 1982 — февраль 1984 года), руководивший подавлением Будапештского восстания в Венгрии в 1956 году и с 1967 по 1982 год возглавлявший КГБ, искал теперь путь к предотвращению ухудшения ситуации в укреплении дисциплины на основе активизации авторитаризма. У него можно было проследить некоторые элементы концепции. Он вполне в духе синкретической государственности полагал, что в основе общества лежит общественная собственность на средства производства. Ею определяются нормы бережливости и инициативы, т. е. содержание человеческих действий. Поэтому Андропов очень заботился о соответствии поведения человека этому абстрактному представлению о собственности, приравнивал уклоняющихся от этих норм диссидентов к иностранным агентам, пытался укрепить дисциплину активной борьбой «с нетрудовыми доходами и с так называемыми летунами, прогульщиками, лодырями, бракоделами... нахлебниками общества»¹ и подобными массовыми акциями, заботился об укреплении идеологии и т. д. Он пытался сдержать усиление форм локализма, разрушавших основы сложившегося авторитарного порядка, сложившейся формы

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983. С. 16.

собственности, определяющей, по мнению Андропова, весь сложившийся порядок. Он писал, что «нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на не зависящие друг от друга, конкурирующие между собой корпорации...»². Уже одно это высказывание подтверждает, что в правящей элите созревало осознание опасностей локалистских тенденций, проявившихся в годы «застоя». Несомненно проявляя значительно больше проницательности, чем предшествующее руководство, Андропов считал национальные проблемы серьезной опасностью, о чем явно свидетельствует содержание его доклада о 60-летию СССР в декабре 1982 года³.

Ю. Андропов, видимо, острее других чувствовал нарастание дезорганизации в стране. *Был ослаблен официальный оптимизм. Это выразилось в признании, что общество находится лишь в начале развитого социализма. Это, казалось бы, малозначимое изменение в идеологии можно рассматривать как стремление слегка расширить масштабы критики исторического опыта.* Как откровение воспринимались его высказывания о возможности в социалистическом обществе «серьезных коллизий»⁴. И особенно оглушительно на фоне привычного дифирамбизма прозвучало его заявление, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать... эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁵. *Устами первого лица было признано, следовательно, что общество, которое пыталось положить в основу своего управления научные принципы, до сих пор могло принимать решения лишь вслепую.* Высшая власть почувствовала угрозу того, что под ногами бездна, но не знала, что делать.

Чем же можно объяснить, что Ю. В. Андропов и следующий за ним руководитель страны К. У. Черненко (февраль 1984 — март 1985 года) не сделали заметного шага в интерпретации новой нравственной ситуации в обществе? Переход к новому этапу был не совсем обычным. Опыт прошлого глобального периода свидетельствует, что переход к седьмому этапу был результатом не только дискомфорта состояния,

² Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 22.

³ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР: Доклад на торжественном заседании 21 дек. 1982 г. // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 5-19.

⁴ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 27, 30.

⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года: Стенографический отчет. М., 1983. С. 124-125.

возникающего как реакция на дискредитацию умеренного авторитаризма, но также и остаточного дискомфорта состояния, накапливавшегося на протяжении всего глобального периода. Это несло угрозу отрицания не только предшествующего этапа, но и господствующего нравственного идеала всего глобального периода и, следовательно, псевдосинкретизма как основы для его интерпретации правящей элитой, угрозу отрицания ценностей всего глобального периода, как это уже имело место в конце прошлого периода. Рассмотрение положения в стране через призму исторического опыта создавало основу для общей тревожности, напряжения в обществе, увеличивало страх перед изменениями. Исторически сложившийся опыт интерпретируется разными социокультурными группами различно. Страшный опыт прошлого, зафиксированный в псевдосинкретизме, включал инстинктивный страх перед наступлением локализма с его войной против всех, подрывающей возможность решения медиационной задачи. Этот страх мешал правящей элите совершать шаги, которые могли рассматриваться как ослабление исторически сложившихся механизмов интеграции общества, прежде всего власти медиатора, как попустительство локальным силам.

Тем не менее перелом произошел. Приход к власти М. С. Горбачева (март 1985 года) ознаменовал начало седьмого этапа псевдосинкретизма, вступление страны в полосу реформ, аналогичных по своему духу и значению реформам седьмого этапа прошлого глобального периода, когда, кстати говоря, понятие «перестройка» также использовалось.

Переход к седьмому этапу означал нечто большее, чем результат массовой критики обанкротившегося умеренного позднего авторитаризма, доведшего до предела слепоту, неспособность оценить реальную ситуацию и подспудные разрушительные процессы при одновременном стремлении заткнуть рот разномыслию. *Переход к седьмому этапу означал, что обратная глобальная инверсия, идущая от крайнего авторитаризма, преодолев две вялых инверсии (господство идеала всеобщего согласия, а затем умеренного авторитаризма), вышла на финишную прямую. Начался решающий рынок инверсии, идущей от крайнего авторитаризма к противоположному полюсу — к соборности, к торжеству локализма.* Локализм выступал прежде всего как результат слабости культурных интеграторов, ослабления на этом фоне административных интеграторов, как смещение субъектов монополии на дефицит вниз, т. е. шел процесс, обратный преобладавшему в первой половине глобального периода. Власть, монополия на дефицит смещалась от центра к ведомствам, регионам, респуб-

лика и т. д. и дальше вниз, т. е. к отдельным сообществам и даже к их частям. Но этот процесс шел и еще дальше, доходя до отдельного человека, что совпадало с отмечаемым социологами процессом приватизации интересов⁶.

Этот поворот, как и все предшествующие, нуждался в новой интерпретации правящей элитой, в разработке новой, седьмой версии псевдосинкретизма, приспособленной к коренным образом изменившимся условиям решения медиационной задачи. *На этот раз в модели псевдосинкретизма на первый план вышел либеральный идеал, который был положен в основу соединения всех иных идеалов. Был введен принцип плюрализма, гласности, взят курс на демократию. Все остальные идеалы, поскольку они могли вступить в диалог, рассматривались как голоса плюрализма. М. Горбачев провозгласил новое мышление, суть которого заключалась прежде всего в разрыве с манихейством, со всей предшествующей идеологией, жестко противопоставлявшей своих и чужих.*

Либеральная интерпретация фактически означала выход псевдосинкретизма за собственные рамки, его самоотрицание. Новая версия была, по сути, прямо противоположна сталинской, где псевдосинкретизм отрицался абсолютизацией тождества ипостасей, отказом от разномыслия вне концлагеря. Теперь признание разномыслия означало отказ от рассмотрения его как временного этапа на пути к единой и единственной Правде. Этот поворот доказал *возможность перехода псевдосинкретизма в либерализм*. Он одновременно означал отказ — осознанный или нет, это другой вопрос — от нравственных оснований, на которых держалось общество с 1917 года. Это был поворот, который по своим масштабам и значению приобрел характер *перехода к иному типу суперцивилизации, по крайней мере в сфере духа*.

«КОНЧИЛОСЬ ЦАРСТВО ХАМОВО»

Как и Александр II, *М. Горбачев получил страну в полном расстройстве*. Хозяйство подошло к границе необратимых катастрофических изменений. Общество вело преступную, не отвечающую национальным интересам войну в Афганистане, резко усиливавшую международную изоляцию СССР. Вооружение производилось выше всяких разумных пределов с точки зрения как внутренних возможностей, так и требований внешней безопасности. Страна выступала для близких и далеких

⁶ Ядов В. А. Становление личности: общественное и индивидуальное // Социологические исследования. 1985. № 3.

народов как носитель смертельной иррациональной опасности. Престиж высшей власти снижался. Она все более явно теряла контроль над хозяйственными процессами. Сложилась уродливая структура хозяйства. Накапливались техническое отставание от Запада, устаревшая техника, истощение и удорожание ресурсов. Росла общая дезорганизация. Сложилась значительная безработица, износ основных средств труда достиг уровня, беспрецедентного в мировом масштабе. Страна тонула в грязи нравственной и экологической. Ранее казавшиеся безграничными ресурсы рабочей силы истощились, что само по себе требовало перехода к интенсивным формам развития. Сельское хозяйство продолжало поглощать ресурсы, не давая должной отдачи. Рост поголовья скота мог иметь место лишь в результате громадных покупок фуражного зерна за рубежом. Падало плодородие земель. Эффективность использования ценнейших ресурсов оставалась одной из самых низких в мире.

Социологические исследования демонстрировали слабое стремление к новшествам, желание закрепить низкий уровень труда в сложных неадекватных условиях, т. е. тогда, когда реальное разрешение проблем требовало увеличения шага новизны, выхода за рамки исторически сложившихся возможностей. Неспособность к этому порождала негативные нравственные деструктивные процессы в труде, в воспроизводстве. Исследования показывают, что «недоверие к переменам глубоко проникло в плоть и кровь». Новшества рассматривались как внешние, как нечто преходящее: «Обойдется и на этот раз». Это представление о навязанности перестроечных инноваций сочеталось с существованием «низкого уровня трудовой мотивации у большинства работников, отсутствием заинтересованности напряженно и качественно трудиться», что, кстати, как отмечает автор, не является новым выводом. «Профессиональная деятельность в общественном производстве перестала быть в центре интересов личности, уступив место семейно-бытовым установкам. Все большее число своих потребностей работники пытаются реализовать вне сферы труда», что свидетельствовало о распаде производства, о натиске локализма. Не существовало достаточно четкой связи производителя и потребителя. «На периферию общественного сознания оказались вытесненными мотивы общественного диалога, общественной пользы, ориентации на потребителя. Значительная часть опрошенных (38%) высказала неуверенность в том, что выполняемая работа необходима людям». Большинство «не видит связи между конечным результатом и своими личными усилиями», без чего нет развитого утилитаризма. «Трудовая пассивность, низкий уровень претензий, поддерживаемый уравниловкой,

приводят к утрате профессиональных навыков и умений». Все это крайне затрудняло формирование имеющих шансы на успех проектов реформ, в частности потому, что «для работника со слабой трудовой мотивацией положительные стимулы практически бездействуют... Существующие типы работников значительно отличаются от тех, на кого рассчитан новый хозяйственный механизм... не обладают инициативностью, предприимчивостью, целеустремленностью»⁷. В этой ситуации всякие попытки двинуться вперед превращались в поворот назад.

Возможности науки резко отставали от катастрофического нарастания проблем. Общество выступало не как носитель разумного, соразмерного проблемам социального заказа, но прежде всего как носитель идеологических требований, опасющийся науки как фактора дестабилизации. Результативность фундаментальных исследований падала. Анализ показывает, что «период застоя оказался для второй волны НТР... значительно более сильным тормозом, чем сталинские репрессии и военные разрушения для первой волны НТР»⁸. Выявились, что многие гигантские дорогостоящие проекты были фактически истреблением ресурсов. Например, в регионах, где мелиорация получила наибольшее развитие, производство зерна снизилось. Усилилась зависимость важнейших отраслей промышленности от западной технологии. Дистрофия технологии, организации труда, воспроизводства в каждой точке нарастала. С октября 1983 года начала падать месячная производительность. В 1984 году впервые после войны упала добыча нефти, вывоз которой давал 60% твердой валюты⁹. Низкое качество товаров закрывало путь на мировые рынки. Между тем Япония приближалась к рубежу двукратного превышения национального дохода на душу населения по сравнению с СССР. Потуги «догнать и перегнать» выявили свою полнейшую утопичность. Главная проблема, однако, коренилась глубже этих внешних проявлений скрытого, по сути безысходного для данной системы кризиса общества. Для понимания этой ситуации ни советская наука, ни правящая элита не располагали соответствующим категориальным аппаратом.

В начале седьмого этапа, как и в начале соответствующего этапа прошлого глобального периода, возникла идея коренных реформ. Это не было случайным совпадением. Хотя

⁷ *Беляева И. Ф.* Материальное стимулирование в новом хозяйственном механизме// Социологические исследования. 1989. № 3. С. 7, 8, 3, 4, 6, 9.

⁸ *Несветайлов Г. А.* Большая наука в большом обществе// Там же. 1990. № 11. С. 44-45.

⁹ *Голдман М. И.* Горбачев как экономист// Вопросы истории. 1991. №5. С. 109.

идеи реформ могли возникнуть и раньше, тем не менее здесь они сделались особенно настоятельными. Именно на этом этапе ощущение банкротства исторически сложившегося порядка стало очевидным, угроза катастрофы ощущалась в возрастающих масштабах. Критическое отношение к установившемуся порядку неуклонно нарастало. Все это вынуждало наиболее дальновидную часть правящей элиты встать на путь реформ. Для этого были нужны громадные нравственные и интеллектуальные силы. Диссиденты были выпущены из лагерей и психушек, был возвращен из ссылки академик А. Сахаров.

Как на последнем этапе прошлого глобального периода, когда давление духовной элиты было тем фактором, который постоянно стимулировал правящую элиту, Николая I и Александра II встать на путь реформ, так и теперь нравственная и духовная элита, гонимая и рассеянная, постоянно предлагала обществу альтернативу. Горбачев пошел навстречу этому естественному союзу правящей и духовной элиты. «Кончилось царство хамово» (слова матушки Фроси из документального фильма «Сказы матушки Фроси о монастыре Дивеевском», 1989).

Предшествующие версии псевдосинкретизма, пронизанные манихейской идеологией, никогда не были внутренне последовательными, но всегда утилитарно конъюнктурными. Они опирались на представления, что любая логика может быть нарушена внешними и внутренними силами зла, вредителями, империалистами, алкоголем и т. д. Опыт прошлого, его негативные аспекты рассматривались в манихейском духе как результат ошибок, злонамеренности, непоследовательности, недостаточной радикальности и т. д. Этот своеобразный личностный фетишизм, т. е. попытки объяснить историю, сложные массовые события злой волей явных и скрытых носителей мирового зла, имеет глубокие корни в тотемическом мышлении. Еще Аввакум говорил о действиях своих мучителей: «Не их то дело, но сатаны лукавого». Теперь же нравственный идеал, отбросивший манихейство, должен был давать иное объяснение неудачам. Например, Горбачев говорил: «Мы еще не создали эффективного механизма реализации целей политики перестройки в центре»¹⁰. Здесь ответственность за все позитивное и негативное возлагается на «Я», на «Мы». В прошлом причина негативно оцениваемых явлений возлагалась на «Они», в лучшем случае на ту часть «Мы», которая еще не совершила партиципацию (например, на недостаточно созна-

¹⁰ Горбачев М. С. Вступительное слово на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников// Правда. 1990. 19 янв.

тельных), или на находящуюся в состоянии отпадения, т. е. переходящую к «Они». Таким образом, *выявился коренной разрыв со старым мышлением.*

ПРАВСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ

Седьмой этап возник как наиболее радикальный из всех предшествующих этапов второго глобального периода. Был открыт путь инакомыслию, разномыслию, многопартийности, свободному слову и мысли. Либеральный идеал впервые после 1917 года и во второй раз в истории страны занял господствующие позиции. Новый идеал основан на обобщении всех великих человеческих ценностей, на духовном наследии страны, на ликвидации далеко зашедшего отчуждения, на выдвигании гуманистических принципов на первый план.

Господство нового идеала можно рассматривать как попытку людей, достигших крайних форм отчуждения от своих собственных производственных, управленческих, духовных функций, вернуться к самим себе, к естественному здоровому смыслу, к повседневности, как отказ от ставших бесчеловечными социальных отношений, отказ от оценки человеческой мысли, творческого импульса как психической болезни. Общество, та его часть, которая пришла к власти, ужаснулись нравственному упадку, государственности, где методы уголовного мира применялись к гражданам, к мысли, к целым народам, где даже достижение гуманизма — медицина — превращалось в инструмент террора, орудие палача. Нравственное сознание независимо от его содержания не могло слишком долго нести на себе ответственность за этот мир. Жертвы диссидентов не были напрасны.

Чтобы новый идеал утвердился, нужен был глубочайший кризис всей системы, осознание угрозы национальной катастрофы. Выдвижение общечеловеческих ценностей на первый план вместо ранее господствовавшего манихейского классового принципа было идеологическим культурным поворотом не в масштабе этапа, но в масштабах глобального периода. Был отвергнут идеологический опыт предшествующих этапов. Новый антиманихейский идеал стал в центре теории и практики правящей элиты, в основе программы перестройки, что требовало привлечения антиманихейского опыта человечества.

Делая очередной шаг, М. Горбачев встречался с новыми проблемами и новыми потребностями общества и открыто шел им навстречу. Это была не столько последовательность политика, который внимательно оценивал свой шаг с точки зрения

общей расстановки политических сил, и не столько последовательность ученого, руководствовавшегося абстрактной логикой теории. Это была прежде всего нравственная последовательность человека, верящего в свой долг и ответственность, в необходимость спасения страны от нарастающей разрушительной дезорганизации. Нравственный поворот был необходим, но лишь как основа для дальнейшей конкретизации, для проработки на основе новой нравственности социальных, политических, экономических и других проблем общества. *Абстрактность идеалов перестройки проявила себя прежде всего в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях.* Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в глубокие системы социальных, экономических интерпретаций. *Идеи перестройки при всей своей радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ-тотем, в то, что его освобождение от внешнего давления, от анти-тотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни.* Эта радикальность оставалась в рамках уже сложившейся культуры большинства. Представление об идеале народной жизни меняется в разные периоды. На этом этапе идеал интерпретировался через идеи рынка и демократии как абсолютная, инверсионная противоположность господству дорыночного натурального хозяйства.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Отказ от цензуры, от однопартийного монолога означал возможность выхода наружу ранее скрытых голосов, которые даже не подозревали о существовании друг друга. Общая картина, однако, оказалась весьма специфической, не сводимой к формуле демократического плюрализма, господства либерализма. *Господствующий идеал фактически приобрел вечевой-либеральный, точнее, соборно-либеральный характер.* Россия уже накопила определенный опыт господства этого идеала на последнем этапе прошлого глобального периода, который, однако, в последующей истории был плохо понят. Как и всякий гибридный идеал, основанный на отождествлении различных, возможно — противоположных, исключаящих друг друга систем нравственности, он нес в себе тайну своих внутренних различий. Массовое разоблачение тайны неизбежно означало

бы распад идеала. Ошибочная трактовка нового идеала заключалась в рассмотрении его через дуальную оппозицию «либерализм — антилиберализм» (или «демократия — реакция»), тогда как в России на первый план всегда выступала дуальная оппозиция, потенциально заложенная внутри вечевоего идеала, т. е. «соборность — авторитаризм». Интерпретация новой идеологии правящей элитой пошла по пути первого варианта. Либеральная интерпретация сдвига в массовом сознании была наиболее далекой от массового сознания.

Реформаторы воспринимали реальность в исторически сложившихся формах интеллигентского сознания, которое, как об этом свидетельствует исторический опыт, включало стремление слиться с массовыми ожиданиями народа, представляя, интерпретируя их через ценности интеграции целого, одновременно мучительно стремясь преодолеть противоречия между тем и другим. *Перестройка, следовательно, несла в себе весь груз противоречий прошлого, возрастающих трудностей решения медиационной задачи, противоречий между уравнительным массовым сознанием, ориентированным на статичные локальные ценности, и жизненно важными потребностями общества, которые стимулируются развитием утилитаризма, потребностями в росте и развитии.*

Либерализм в России внутренне пронизан древним вечевым содержанием, и тем больше, чем больше он рассчитан на массовую поддержку. Однако на это принято закрывать глаза. «Любой человек всегда, во все времена готов к свободе. Даже тот, кто не вполне осознает, и тот, который якобы не хочет. Демократия — это то, до чего дозрели все и что делает человека человеком»¹¹. Подобная точка зрения является либеральной разновидностью основного заблуждения интеллигенции. Здесь демократия — предмет веры, некоторая абстрактная презумпция. Свобода — историческое понятие, и вся человеческая история включает в себя борьбу за свободу, т. е. за ее расширение и углубление. Дуальная оппозиция «свобода — несвобода» в конкретно исторических условиях имеет конкретную меру. Абсолютное противопоставление свободы и несвободы существует только в логике как некоторая абстрактная предпосылка любых основательных конкретных рассуждений о свободе и несвободе, о путях и способах постоянно устанавливать меру свободы, искать историческую последовательность переходов одних ее форм в другие.

Широко распространена точка зрения о необходимости перейти от концепции «централизованного ускорения сверху» к

¹¹ Попов Г. Х. Корень проблем. М., 1989. С. 70.

концепции «самодеятельного ускорения всех звеньев»¹². Здесь — букет представлений, идущих из седой древности, но переведенных на язык современной науки, приводящих к идее необходимости сокрушить, «сломать административную систему». Именно в этом случае чудесным (т. е. инверсионным) образом будут решены все проблемы или, во всяком случае, будет создана для этого основа. Однако эта вера никак не соотносится ни с опытом мировой истории, ни с историческим опытом России. Эти идеи опираются на древнюю веру, что все беды происходят не от собственной конкретно-исторической ограниченности, а от внешнего зла, носителем которого является начальство, отделяющее народ от возможности эмоционального взаимопроникновения смыслами с тотемом. Можно согласиться с тем, что централизованное управление не слишком подходит для осуществления модернизации (хотя и не безусловно, так как обычное противопоставление централизации и децентрализации следовало бы превратить в разговор о развитии конкретной их меры). Естественен вопрос, откуда в наших консервативных исторических условиях возьмется «самодеятельное ускорение всех звеньев»? Гораздо больше оснований полагать, что локальные миры будут стремиться укреплять свою монополию на дефицит (как теперь любят говорить — усилится «групповой эгоизм»), т. е. ответят на потрясения, связанные с общим кризисом системы, на попытки изменить сложившийся порядок дальнейшей активизацией своих исторически сложившихся ценностей.

Смысл соборно-либерального идеала заключается в том, что массовые движения рабочих, крестьян, жителей городов и деревень структурированы прежде всего локальными ценностями и, выходя на общегосударственный уровень, неизбежно прибегают к либеральной лексике, терминологии, лозунгам. Именно используя этот язык, можно выйти за рамки своего огорода и приобщиться к проблемам целого, что, впрочем, не мешает скрывать за новыми словами старое содержание. Без учета этой неадекватности языка массовых движений, неспособности локализма без идеологических одежд подняться до общегосударственных ценностей, невозможно понять суть происходящего на седьмом этапе.

Раскол как причина этой гибридности порождает не только отсутствие массового действительно либерального движения, но также и отсутствие реального консервативного движения, имеющего свою последовательную неутопическую программу, опирающуюся на устойчивые традиции, несущую в себе неко-

¹² Попов Г. Х. Второй съезд// Огонек. 1989. № 50. С. 5

торую реальную альтернативу. То, что принимается за консерватизм (например, так называемый учредительный съезд КП РСФСР), в действительности просто-напросто результат страха архаизированной бюрократии перед хаосом перемен, в которых они интуитивно видят опасность катастрофы. Подобные настроения — результат того консервативного базиса, которым они пытаются управлять. Однако в принципе эти люди, так же как либералы, находятся в состоянии раскола с носителями массовых локалистских ценностей, в той степени, в какой они реально втягиваются в управление.

Суть этапа перестройки можно понять, только учитывая, что буквально каждая клеточка общественной активности страны, каждая инновация пронизана скрытым расколом между соборным и либеральным нравственными идеалами. Этот раскол проявляется в бесконечном количестве форм, например, в ограниченном диапазоне возможностей ответственности людей за общество. Соборный идеал ориентирован на сохранение статичных традиционалистских структур и ценностей, стремится, насколько это возможно, замкнуться в ограниченных рамках локального мира. Хотя советская социология не различала эти типы нравственных идеалов, тем не менее она улавливала важные особенности соборного идеала. Они заключаются в том, что стремление управлять уменьшается при переходе от локальных групп к большому обществу. Например, А. В. Чаянов писал, что «крестьяне, привыкшие главенствовать в одной-двух семьях, не сумеют руководить десятками и сотнями семей, организованных городскими властями в кооперацию „по горизонтали“, т. е. в колхоз»¹³. Чаянов опирался и на значительный опыт прошлого, когда крестьяне не были заинтересованы даже в выборе своих представителей на уровень волости. Они говорили выборным: «Иди, батюшка, говори там, что хочешь, только нас не трогай». Аналогичную картину можно видеть среди рабочих. По некоторым исследованиям, доля участвующих в управлении рабочих на уровне предприятий в среднем в 8—10 раз меньше, чем в коллективе производственного участка. При этом на уровне предприятия участвуют в управлении от 1,6 до 6,9% рабочих, причем само это участие носит пассивный характер¹⁴. Эта тенденция подтверждена последующими исследованиями и носит устойчивый характер. Подобная ограниченность объяснялась тем, что субкультура предприятий унаследована от сельских локальных сообществ, от артелей городских работников. Поэтому поиск в них либеральных форм активности является неправо-

¹³ См.: Балязин В. Возвращение// Октябрь. 1988. № 1. С. 171.

¹⁴ Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976. С. 172-177.

мерной экстраполяцией. Поиск этих форм должен опираться на исторические основания, на определенные накопления либерального культурного богатства, существование которых в каких-то значимых масштабах в среде рабочих также весьма проблематично.

РАБОЧИЕ

Перестройка возникла как возглавляемая правящей элитой, первым лицом мощная попытка кардинального поворота в истории, как всесторонняя критика предшествующего опыта, как решительное отрицание самой основы опыта второго глобального периода, т. е. как попытка нащупать новую альтернативу. От периодически возникавших критических всплесков каждого из советских этапов седьмой этап отличался тем, что критика исторического опыта здесь объективно приближалась к полному отрицанию всего опыта предшествовавшей советской истории, хотя сами вожди перестройки не дошли до логического конца в этом отрицании. Независимо от субъективных представлений этих людей страна подошла к рубежу новой попытки выйти за рамки инверсионных альтернатив, накопленного опыта двух предшествующих периодов. Иначе говоря, речь шла, независимо от степени понимания событий политиками, о переходе на новый уровень цивилизационного развития, о переходе от промежуточной цивилизации, отягощенной расколом, от состояния общества, «застрявшего» между традиционной и либеральной суперцивилизациями, к цивилизационному прорыву, о попытке действительного перехода наконец-то к либеральной суперцивилизации.

Каковы были возможности этого перехода, как они сложились на этапе перестройки?

Этот вопрос имеет целый ряд аспектов. Важнейший из них заключается в выявлении движущих сил этого процесса, в анализе развития достаточно мощного социокультурного слоя, который мог бы играть роль движущей силы. В этой связи важен социокультурный анализ рабочих, которым я не уделил должного внимания выше, но не только из-за ограниченности места, но и из-за недостаточной культурной самостоятельности этого слоя. В российских условиях рабочие крайне медленно рвут свои связи с традиционной крестьянской ментальностью не только ввиду слабости культурных основ урбанизации, но и по причине исторической связи развития промышленности с крепостной деревней, а не с передовым городом.

При исследовании рабочих в России наиболее ярко открывается важный аспект двойственности господствующего идеала

на этапе перестройки. Кадровые рабочие в конце XIX века существовали как отдельные группы в Москве, Петербурге, в городах Польши¹⁵. Экономист и публицист Н. Суханов (1882—1940) видел в русских рабочих переходный класс от потенциальных земледельцев. «Ушедшие в город элементы и составляющие основные массы современного пролетариата не имеют возможности порвать с деревней и хранят связь с ней как необходимое условие настоящей своей жизни и будущей», — писал он. В 1918 году в Петрограде, сосредоточившем цвет русского рабочего класса, более четверти рабочих оставалось неграмотными, лишь 37,2% имели законченное начальное образование¹⁶. Лишь 19,6% рабочих были горожане по происхождению, 79,1% были уроженцами деревни. Русские рабочие постоянно пополнялись за счет деревни. Культурно-психологический стереотип массового крестьянского сознания остался преобладающим в их среде. Тем более, что удельный вес рабочего населения страны был невелик. По данным академика С. Струмилина (1877-1974), в 1897 году общее число рабочих и «прислуги» составляло 7,3% населения страны, в 1917 году — 10%¹⁷. Данные большинства советских исследователей, склонных, как правило, к преувеличению численности рабочих в России накануне революции, близки к приведенным. Ленин видел базу пролетарского самосознания в крупной промышленности. Однако в 1917 году в ней работало 3,4 млн. рабочих из общего числа 15 млн. Следовательно, указанные 10% следует снизить до 2,3%. Ленин впоследствии высказал мысль, что действительным рабочим может считаться человек, проработавший на предприятии не менее десяти лет. Если учесть эту точку зрения, то приведенную выше численность рабочих в 3,4 млн. нужно снизить примерно наполовину. При населении страны в 169,4 млн. (1913 год)¹⁸ вряд ли можно было всерьез рассматривать идеи о построении государства рабочих. Впрочем, Ленин был слишком реальным политиком, чтобы действительно на это рассчитывать. Те русские рабочие, которые имели постоянную работу, не были самым бедным слоем.

В период господства псевдосинкретизма рабочие были привязаны к системе псевдоэкономики возможностью получения на предприятиях определенных благ, дефицита, квартир, дополнительного снабжения, доступа к детсадам и яслям, ис-

¹⁵ Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1900.

¹⁶ Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 89.

¹⁷ Струмилин С. Г. Два года диктатуры пролетариата. 1917-1919. М., 1919.

¹⁸ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 432.

пользования своей легальной работы для иных целей и т. д. Они полагали, что установление другой системы может повысить требования к работнику и закрыть истощающие предприятия источники дохода рабочих (например, использование рабочего времени для «левой» работы). Они не хотели капитализма, так как опасались требовательного хозяина, не дающего поблажек, повышения интенсивности труда, опасались соревнования на рынке труда, так как считали, что кто-то хитрый их всегда обманет. Во время авралов они работали много и подчас с большим напряжением. Однако в целом ощущалось падение интереса к общественному труду.

Ценности этой современной почвы консервативны, так как они включают боязнь перемен. Но они не тождественны консерватизму старой крестьянской почвы. Городская организация ориентирована на значительно более свободную личность. Эта организация позволяет покидать предприятия. Возросшая независимость человека открывает путь дальнейшему развитию ценности личности.

Исследования показывают, что главная опасность, которая может исходить от организационно самостоятельного рабочего движения, заключается в том, что «его мощь может быть направлена против демократизации общества, обновления советской экономики, что оно может стать тормозом перестройки. Тормозом тем более страшным, что тогда рабочее движение легко соединится с консервативными силами»¹⁹. В целом сложившийся в условиях псевдосинкретизма слой рабочих воспроизводит своей повседневной деятельностью псевдоэкономику. Ее крах представляется для рабочих катастрофой. Они составляют мощный социальный слой, который существует в органическом единстве с системой господства дорыночного хозяйства, принудительной циркуляции ресурсов, включая соответствующую систему цен. Рабочие — действующее лицо системы монополии на дефицит. На рабочих сильное влияние оказывают правые популисты, для которых характерен «антибюрократизм, недоверчивое отношение к интеллигенции, критика власти в основном за коррумпированность (а не за неэффективность руководства)»²⁰. Последнее наблюдение крайне важно. Оно свидетельствует о преобладании традиционалистского сознания среди рабочих, которые предпочитают не достигательные ценности, ценности развития и прогресса, но озабочены в первую очередь борьбой с оборотнями зла. Это при-

¹⁹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочее движение: издержки и приобретения// Правда. 1990. 18 янв.

²⁰ Бызов Л., Гуревич Г. Перемены в политическом сознании// Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

водит к акциям, производящим удручающее впечатление. Например, в г. Зеленограде 14 февраля 1990 года состоялся забастовочный митинг, в котором участвовало более 50 тыс. человек с 23 предприятий, в защиту следственной группы Т. Гдяна. Они потребовали отставки Прокуратуры СССР, которая выступила против незаконных арестов, длительного содержания под стражей членов семейств подследственных, против других злоупотреблений этой группы²¹. Очевидно, в системе ценностей забастовщиков ценности права, неприкосновенности личности не занимали значимого места, но преобладал страх перед оборотнями зла, о которых, как это обычно бывает в таких случаях, никаких конкретных изобличающих материалов у борцов с мировым злом не было. По сути дела, это явление того же порядка, что и массовые манифестации недавнего прошлого с требованием смертной казни «врагов народа».

Рабочие в своей массе не склонны поддерживать частную инициативу, рост личной ответственности, т. е. они не выходят за границы традиционализма, сдобренного утилитаризмом. В рамках сложившегося порядка они могут предстать мощной, даже решающей силой в борьбе против синкретической государственности за смещение фокуса власти вниз, к локальным сообществам.

Анализ социально-профессиональной структуры рабочего класса показывает, что научно-индустриальным трудом занято всего 13%, тогда как домашинным, доиндустриальным и раннеиндустриальным трудом — 35%. В обществе, следовательно, существует определенная часть работников, которые отражают «вчерашний день общественного труда»²². Некоторые авторы пишут о «люмпенизации трудящихся»²³, что связано с тем, что тяжелым ручным трудом занято около 50 млн. человек; в промышленности — 34,9%, в строительстве — 56,4%, в сельском хозяйстве — около 70%²⁴.

Эти цифры свидетельствуют о том, что общество практически не прошло индустриализацию, что существуют мощные пласты архаичных форм труда, которые в конфликте с современными формами, несомненно, окажутся сильнее, будучи массовой силой, определяющей культурную и нравственную атмосферу в обществе. Неблагоприятное влияние на

²¹ Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

²² Гордон Л. А., Назимова А. К. Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир. 1983. С. 70.

²³ Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989. С. 191.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1986 г. М., 1987. С. 109.

развитие рабочих оказывал характер индустриализации, которая по сути всегда была устремлена на восстановление уже пройденного по мировым стандартам уровня производства. Сталинская индустриализация была нацелена на восстановление технологического уровня, сложившегося еще до первой мировой войны, связанного с первой промышленной революцией, с универсальной металлообработкой, низким качеством стали и т. д. После второй мировой войны восстанавливалась устаревшая довоенная промышленность. Все это стимулировалось не только уровнем квалификации творцов технологической политики, но и массовым уровнем исполнителей. Это, в свою очередь, давало недостаточный импульс для развития рабочих.

Не следует думать, что это — специфика советского периода. Отставание унаследовано от прошлого. В капитальном исследовании, анализирующем период еще до первой мировой войны, можно прочитать: «Низкий уровень общего развития русского рабочего, историческая его некультурность... представляли мало оценивавшееся до сих пор, но громадное препятствие развитию русской промышленности». Это касается и труда в сельском хозяйстве. Автор говорит о «примитивности его (населения) рабочих навыков в сельском хозяйстве»²⁵. Ошибка модернизаторов страны заключалась в том, что отсталость работника — не просто один из неблагоприятных технических факторов, который можно относительно просто устранить (одновременно избивая носителей высших уровней культуры и квалификации в каждой точке), но фундаментальная характеристика жизни общества, изменить которую труднее всего. Речь идет не только о квалификации, но о менталитете. Не следует забывать, что большая часть истории рабочих в России происходила в период крепостничества, и сами они представляли собой одну из форм крепостной зависимости. Первые крепостные мануфактуры — металлургические, текстильные, солеварные и другие — возникли в первой половине XVII века. Их работники не занимались торговлей. Они не стремились стать собственниками и взять свою личную судьбу в собственные руки, организовав свое дело. Рабочие в России не знали социального партнерства с теми, кто организовал производство и рисковал всем, предоставляя им возможность работать. Рабочие развивались не как полное общество, на основе взаимопроникновения с другим полюсом (т. е. частным предпринимательством), но как элемент традиционного поряд-

²⁵ *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-е изд. М., 1922. С. 155, 154.

ка. Они постоянно переходили от стремления слиться с государственностью к желанию ее разгромить и обратно.

Забастовки в России глубоко отличны от забастовок на Западе. В конце XIX — начале XX века в России они были более кровавыми. Если стачки в США были попыткой рабочих «отстоять и утвердить личную собственность и свободу», то русская же «стачка, с точки зрения социально-психологической, была восстановлением в новой форме не успевших еще позабыться норм и ориентаций общинно-коллективистского сознания. Она была протестом против частной собственности в ее наиболее чуждой русскому пролетарию форме — капиталистической собственности, полным неприятием буржуазного индивидуализма»²⁶. Иначе говоря, смысл этих забастовок носит прямо противоположный характер. В первом случае рабочие стремились приблизиться к либеральным целям, тогда как во втором — утвердить локалистские ценности на городской почве. Требования забастовщиков показывали, что они не являлись авангардом либерализации. Рабочие России, вышедшие из крестьянства, но не прошедшие через развитую городскую культуру, не прошедшие школу рынка, конкуренции, предпринимательства, ближе к вечевому идеалу, чем к либерализму.

Проблема забастовок имеет еще один важный аспект. Забастовки на Западе направлены прежде всего против отдельной фирмы, тогда как в России они были направлены в конечном итоге против единственного владельца собственности, т. е. центральной власти. В условиях нарастания локализма забастовки могут стать мощным тараном, способным сокрушить интеграцию общества.

Самоуправление рабочих шло от общинного управления крестьянского мира²⁷ и не могло иметь на протяжении своей истории либерального характера²⁸. Надежды на рабочее самоуправление как на демократический институт, который, кроме всего прочего, может сыграть важнейшую роль в экономической реформе, в организации рынка, иллюзорны.

Хотя удельный вес городского населения резко возрос, тем не менее специфическая городская культура, сопряженные с этим сдвиги в менталитете не соответствовали темпу роста городского населения. Этот процесс происходил одновременно

²⁶ Кантор К. М. Стачка — специфическая форма борьбы рабочего класса// Стачки: история и современность. М., 1978. С. 46.

²⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. С. 132.

²⁸ См.: Ахиезер А. С. Культурные предпосылки самоуправления рабочих// Производственно-экономические предпосылки становления рабочего самоуправления. М., 1988.

как один из аспектов антимафии, истребляющей высшую культуру, уничтожающей ее очаги. Фактически урбанизация в значительной степени была псевдоурбанизацией — процессом, связанным с быстрым переселением значительного количества сельского населения в город, что приводило к общему снижению уровня городской культуры, росту в ней влияния традиционализма. Новое общество возникло на волне антиурбанизма, враждебности к городу, городской культуре. Удельный вес активного меньшинства среди населения города и в производстве составляет всего от 1 до 10% и менее²⁹. Город в новом обществе превратился в некоторый побочный продукт и условие индустриализации, в результат псевдоэкономики.

А КАК ЖЕ С КРЕПОСТНИЧЕСТВОМ?

Специфика расколотого общества заключается в том, что различные пласты общества могут до поры до времени двигаться в противоположных направлениях, до тех пор пока это не вызовет взаимного разрушения. Поэтому рост влияния либерализма на этапе перестройки происходил при одновременной активизации прямо противоположных процессов. Одно из важнейших явлений, которое антагонистично либерализму и тем не менее фантастическим образом может с ним сочетаться, — это крепостничество.

«Правда» через пять лет после начала перестройки писала: «Найм перестал быть свободным делом каждого. Куда ни повернись человек труда — ограничения и запреты. И на прописку, и на квартиру, ежели нет прописки, а прописки не может быть, если нет квартиры. Замкнутый круг — и только! А тут еще плата... Значит, отныне рабочий, инженер, врач, ученый, журналист — в полной зависимости не от самого себя, своих знаний и талантов. И даже не от каких-то там профессиональных конкурсов. А лишь от того, сочтет кто-нибудь из промышленных и иных „меценатов" возможным заплатить за работника изрядную сумму. Причем аппетиты местных властей трудно поддаются какой-либо логике. В Люберцах „новая душа" стоит даже дороже, чем в Москве или в Киеве.

Если раньше закрепощали людей колхозами, не выпуская из сельской обители, то теперь — в города не впускают. Какая же разница? Лишь в приемах, а не в существе. Но и этого „не пущать" теперь показалось мало: кроме усиления административных, ввели еще экономические рогатки. Изначальная суть

²⁹ Глазьев В. Л. Развитие воспроизводственной сферы: программа «завод-город»// Рабочий класс и современный мир. 1986. № 3. С. 49.

— держать всех и вся в узде — почти не меняется. Наоборот, крепнет местничество, расцветает „региональный эгоизм“...

Замедлился приток свежих сил, затрудняется разумная мобильность кадров, снижается демографическая подвижность населения. И общество словно оказалось разделенным на водонепроницаемые отсеки...

Наверное, после знаменитых венских соглашений легче сменить теперь одну страну на другую, чем город на город, прописку на прописку в своем любимом Отечестве».

Далее говорит директор объединения «Конвейер»: «Прежде всего меня удивляет некая всеобщность этих правил, нигде и никем публично не обсуждаемых. Причем горисполкомы сами устанавливают лимиты и сами же назначают и взимают одинаковую плату и с тех заводов, которые построили свои добротные микрорайоны, как наше объединение, и с тех, которые, образно говоря, гвоздя не вбили».

И далее автор корреспонденции А. Никитин продолжает: «Вот ведь еще чем оборачивается „подушная подать“! Да и не очень она вяжется с правом свободного выбора места жительства, правом на труд. Наконец, с принципами регионального хозрасчета в том смысле, что любая подобная плата должна исчисляться и взиматься только с дохода, а не с... расхода. А как быть тому, за кого столь же механически „заплатили“? Каждый может упрекнуть его... Купили тебя на „наши“ деньги! Значит, попал в кабалу?»³⁰.

Налицо выход крепостничества из скрытых локальных структур. Самые храбрые и радикальные власти терпели здесь поражение, а другие власти, например, сталинская, черпали потенциал для восстановления крепостничества во всех его формах. В последующие после сталинского этапа годы крепостничество усиливалось или ослаблялось на верхних государственных уровнях, но что именно творилось в бесчисленных локальных мирах?

Сохранение крепостничества, соответствующих ему общинных форм собственности имеет мощную поддержку в обществе. Оно не идет по линии традиционно понятых правых и левых. То же было и в конце прошлого глобального периода, когда крайне левый Ленин защищал общинные идеалы. Такую же позицию защищали те, кого называли реакционерами. К ним примкнуло либеральное Временное правительство, которое отменило направленные против общины столыпинские реформы. То, что колхозные формы собственности защищались в годы перестройки не только деревенскими феодалами, но и са-

³⁰ Никитин А. Подушная подать. Почему она воскресла в наши дни?// Правда. 1990. 10 янв.

ими рядовыми колхозниками, которые даже не делали попыток использовать перестройку для отказа от них, неожиданным образом доказывает органичность колхозов для этих людей.

А. Стреляный пишет о своей матери из бедняцкой крестьянской семьи, что она, пережившая коллективизацию, «в дальнейшем отношении к колхозному строю все более смягчалась» и сегодня «смотрит на вещи примерно так же, как я смотрел в пионерские годы, в то время как мое отношение все ближе подходит к ее тогдашнему. Вы не поверите, когда умер Брежнев, в моей деревне старики плакали... Крестьяне почувствовали вкус беспечной и сравнительно при этом сытой (в смысле неголодной) жизни»³¹. В свете этого исторического опыта понятной становится мысль Б. Ф. Поршнева, которую воспроизвел академик В. П. Маслов: «Наполеону не удалось избавить русских крестьян от крепостного права, вызвав крестьянскую войну, а Гитлеру, играя на собственнических инстинктах, уничтожить колхозы. И в том, и в другом случае крестьяне не были к этому готовы»³². Утилитаризм усилил возможность приспособиться к новым условиям, колхозники использовали приусадебные участки, эксплуатировали разными средствами ресурсы колхоза и совхоза, возможности получения денежных средств разными путями и т. д. Все это означало, что *крестьянство по сравнению с временами коллективизации приобрело определенный опыт освоения утилитаризма. Но путь этот еще не довел крестьян до такого уровня утилитаризма, когда возникает стремление стать хозяином, регулярно работающим на рынок.*

Колхозы защищают силы, тяготеющие к архаичным формам жизни. Блок общественно-патриотического движения России заявлял в 1989 году, что «надо всерьез считаться с традиционным свободолобием российского крестьянства, с его приверженностью артельному началу»³³. Здесь под свободой понимается независимость крестьянских артелей (т. е. колхозов) от высших этажей власти. *Подобное понимание свободы противостоит государственной версии крепостничества, но весьма далеко от свободы личности. Более того, это лозунг несвободы, так как артельный, общинный идеал включает зависимость личности от локальной общности, которая и лежит в основе крепостничества.* Это, кстати, еще один при-

³¹ Стреляный А. В человеческом измерении. М., 1989. С. 133.

³² Маслов В. П. Экспертизы и эксперименты// Новый мир. 1991. №1. С. 245.

³³ Из предвыборной платформы блока общественно-патриотических движений России// Советская Россия. 1989. 30 дек.

мер, как либеральное понятие интерпретируется в вечевом духе. Особенно ярко аналогичную позицию выразил писатель В. Распутин³⁴, который поддержал колхозы как преемников русских общин³⁴. С этой точкой зрения спорят те, кто противопоставляет колхозам частную собственность. «Наши земледельцы остаются в фаланстерах крепостными»³⁵.

Перестройка, как и реформы Александра II, означала отказ от господствующих государственных версий крепостничества. Но высшая власть не могла изменить исторически сложившиеся ценности локальных сообществ. Поэтому спор по поводу крепостничества будет решаться в конечном итоге соотношением сил между соборно-общинными ценностями и стремлением их преодолеть, что возможно на основе утилитаризма и либерализма.

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРИНИМАТЬ ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ?

Важнейший вопрос, перед которым в годы перестройки встала страна (независимо от того, осознано ли это общество или нет), заключался в том, какой глубины и масштабов решения общество может принимать, окажутся ли эти решения способными привести к сложнейшему переходу к либеральной цивилизации. Прецеденты, которые зафиксированы в историческом опыте, мало обнадеживали. Достаточно вспомнить, что аналогичная проблема во всей своей остроте уже стояла после февраля 1917 года. Тогда общество не сумело реализовать альтернативу, перейти из промежуточного состояния к либеральной цивилизации.

Прежде всего необходимо иметь в виду существенную смену организационной основы принятия решений на всех уровнях. Речь идет о нараставшем стремлении общества отказаться от принятия значимых решений через механизм партии нового типа, который приспособлен к хромающим решениям в силу ситуации, навязываемой расколом. На первый план вышли советы, освобожденные от опеки партии. Способствовал ли этот новый механизм поднятию эффективности значимых решений?

При оценке возможностей советов не следует забывать, что они зародились как соборные формы управления, по самой своей природе предназначенные для регулирования отношений

³⁴ *Распутин В. Г.* Осознавая себя россиянином// Советская Россия. 1990. 1 июля.

³⁵ *Можжев Б. М.* Мужик// Правда. 1990. 2 ноября.

в рамках локального мира на основе эмоциональных механизмов. В тех случаях, когда советы организовывались на уровне большого общества, вплоть до Верховного Совета всей страны, они неизбежно приобретали иной характер, становились элементом медиатора, нуждались в подпорках административного управления. Кроме того, советы, лишённые возможности административной власти над ресурсами на подведомственной территории, не могли стать организационными центрами местного развития, так как они не опирались на частную инициативу. Не погруженные в среду частной инициативы, не располагая ресурсами, они не могли вообще принимать серьезных хозяйственных решений.

Эти обстоятельства оказались, однако, недоступными пониманию законодателей, так как они мыслили в усеченных либеральных категориях, исходя из моделей либерального общества.

Между тем наблюдения показывают, что хотя партия как инструмент принятия хромающих решений оказалась серьезно ослабленной, тем не менее практика принятия таких решений продолжалась. Иного и невозможно было предположить, пока существовал раскол. Это можно было наблюдать в деятельности высших законодательных органов власти, несших в себе взаимоотрицающие друг друга элементы вечевого идеала и правового государства. В этих органах депутаты группировались не по платформам, а по «делегациям». Каждая из них защищала определенный «местный интерес», что создавало предпосылки для «перераспределительных коалиций» дефицита на всех уровнях.

Реальный и авторитетный парламент может отвечать своему назначению, лишь будучи погруженным в среду, где преобладают значительные массы людей, способные видеть пути и средства воплощения своих локальных интересов через включение своего локального мира в общую воспроизводительную деятельность общества, путем воспроизводства целого через часть и одновременно части через целое. Если такая среда отсутствует или ее элементы слабы и не достигают некоторой критической массы, то в таких органах власти возможно проявление элементов земского собора. Одна из его функций заключается в том, что сословия, низы доводили до сведения царя свои бесконечные локальные нужды. Вместе с тем эта власть — источник вечевого возмущения, способного смести всякую власть во имя торжества локализма, ликвидировать ее как центральную, ответственную власть. Такие органы, по сути дела, несут в себе неразрешимое противоречие, раскол между локализмом и стремлением формировать боль-

шое общество на основе права. При этом, кажется, мало задумываются над тем, в какой степени общество, где нет рынка, нет представления об абстрактном эквиваленте различных ресурсов, где стекло меняется на трубы, а право на работу — на квартиру и т. д., может жить по законам правового государства. В России само представление о законе оторвано от представления о праве и закон расценивается как насилие власти, как нечто, навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы. Но тем самым сам Бог позволяет постоянно обдуривать власть, т. е. ответить на ее решения видимостью согласия, а затем действовать в противоположном направлении, усиливая общую дезорганизацию.

Расколотовость, двойственность высших органов власти связана с парадоксальным массовым стремлением общества использовать демократические формы в неадекватных условиях, т. е. в обществе, в котором преобладало воспроизводство традиционного типа. В этом типе общественного воспроизводства нет рефлексивной задачи поддержания, постоянного формирования интеграции общества при постоянном стремлении к развитию, что не способствует формированию демократии.

Иллюстрацией может быть попытка Горбачева рассматривать развитие машиностроения как ключ к решению всех проблем, что фактически было ставкой на сохранение воспроизводства псевдоэкономических форм. Продолжалась широкая практика принятия разрушительных дезорганизующих хромающих решений. Например, в октябре 1985 года была запрещена в Москве и Грузии торговля сельскохозяйственными продуктами лицам, которые не имеют отношения к их производству. Однако в мае 1987 года было разрешено индивидуальное, семейное и кооперативное предпринимательство. Но затем посреднические кооперативы были запрещены. По словам Л. Абалкина, заместителя председателя Совета Министров СССР в 1989-1990 годах (он говорил о политике правительства), «происходит как бы постоянная смена курса движения не по прямой линии, а зигзагом»³⁶. По сути дела история страны после вступления на путь модернизации всегда шла по пути хромающих решений. Сами переходы от одного этапа к другому были одной из форм хромающих решений. Перестройка, подавив организационные формы, приспособленные к этим решениям, однако, не отменила, да и не могла отменить этот странный способ принятия решений. Разумеется, можно людей, которые принимали такие решения, обвинять в неком-

³⁶ Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 113.

петентности, но где те смельчаки, которые осмелятся бросить камень в грешников? Кто безгрешен? Миллионы рабочих и крестьян, повседневно формировавших социокультурную среду общества, которая не слишком стимулировала развитие более интеллектуальных форм труда и, следовательно, культурную атмосферу для принятия эффективных решений на всех уровнях? Ученые в сфере общественных наук, которых общество заставило прежде всего воспроизводить «хромающую» идеологию? Тайные мыслители, которые с ужасом вспоминали, спустили ли они, уходя из дома, в унитаз свои записи, за которые неизвестно что полагается? *Нам винить некого.*

Преодоление практики хромающих решений возможно лишь как аспект преодоления раскола. Оно достижимо на основе развития сложных решений, учитывающих реальность раскола, раздвоенность любого решения. Для этого нужен переход на более высокий уровень массового понимания социокультурной реальности общества.

ИЛЛЮЗИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Правда заключается в том, что перестройка была основана, как, впрочем, и все предшествующие этапы, на некоторых иллюзорных представлениях, скрывающих существование раскола. На седьмом этапе, *в условиях отказа высшей власти от манихейства, в условиях утверждения ценностей плюрализма и гласности, общество оказалось безоружным перед тем, что плюрализм в действительности стал полем открытых столкновений сторон расколотого общества.* Они не сдерживались ослабевающей властью и постоянно стремились вцепиться друг в друга. Теперь власть не пыталась их направить против некоторого антитопема, и они без стеснения ринулись в бой друг на друга. Эта полемика не доходила еще до крайних пределов, до погрома, до вооруженных столкновений, но и она носила черты взаимонепонимания и даже взаимного недоумения по поводу того, что можно придерживаться противоположных взглядов. Раскол, который до сих пор иллюзорно маскировался под борьбу с мировым империализмом, вдруг обнаружился в результате краха идеологии у себя дома. Общество оказалось неподготовленным к тому, что возможны цивилизованное сопоставление и борьба разных точек зрения.

Грозная опасность заключалась в постоянном усилении недовольства в обществе не только чисто экономической ситуацией, ростом удушающего дефицита, но прежде всего тем, что широкие слои почувствовали себя в значительной степени обманутыми. Те ценности, за которые они в той или иной степе-

ни боролись, которые придавали их жизни высший смысл, оказались ложными, и об этом сообщили не зарубежные враги, не отщепенцы и диссиденты, а жрецы самой системы. Либеральная интерпретация событий встретила значительное неприятие. «Всё не то. Всё не так», — писал читатель Л. Белов из Воронежа. «Перестройка пошла совсем не в том направлении, как ожидали люди». И никак нельзя утверждать, что подобные настроения единичны. Например, как показывала редакционная почта, и раздражения, и недовольства хватало. «По поводу чего раздражение? Да, если хотите, по любому поводу»³⁷.

Вновь выявилось традиционное недовольство Верховным Советом, как и всяким парламентским органом: «Опять разговоры, дискуссии, бесконечные полемике» (Л. Салова из Костромы). Старое отношение к парламенту как к говорильне продолжало иметь место. В ужас приводили требования отказа от конституционного закрепления руководящей роли КПСС. Возмущало прекращение гонений на религию. Сама попытка ввести демократию и гласность вызывала дискомфортное состояние: «Все разрешается — и митинги, и какие-то сомнительные издания, и всякие неформальные движения» (А. Гладков из Керчи). Многие считали, что выборы ничего не дадут, так как они по-прежнему верили во всемогущество начальства, которое и повернет выборы в свою пользу. По отношению к прессе особенно часто применялись слова «вовсю распустилась»³⁸.

В массовой атаке на кооперацию среднее звено власти пыталось объединиться с народом, с широкими слоями, настроенными против предпринимательства. В условиях альтернативных выборов это могло быть немаловажным фактором. Например, глава Моссовета В. Т. Сайкин принятое в январе 1990 года решение исполкома, которое поставило 50% кооперативов в Москве под угрозу закрытия, оправдывал тем, что это было сделано «в соответствии с требованиями трудящихся». Важно отмеченное Л. Савельевой «стремление на все сложные вопросы найти простые ответы». «Быть может, именно отсюда идет и упорное желание, переходящее в агрессивность, обвинить во всем перестройку, которая ничего, кроме смуты, людям не дала?» (К. Воропаева, Москва). Сомнение, нетерпение, раздражение, как пишет Л. Савельева, «содержатся в большинстве писем».

³⁷ Савельева Л. Читая почту. «Всё не так. Всё не то»// Известия. 1990. 25 янв.

³⁸ Комаровский В., Корняк В. Как настроен избиратель// Известия. 1990. 30

Возрастающее раздражение, агрессивность всегда имеют свой авангард, который угрожает обществу террором и гражданской войной. Например, начальник Псковского клуба ДОСААФ писал: «Я готов вступить добровольцем в вооруженные формирования для участия в гражданской войне против реставраторов частной собственности. Я готов умереть с голоду, но не унижаться материальной зависимостью от владельца частного капитала»³⁹.

Можно, конечно, поставить под сомнение репрезентативность этих писем. Однако следует обратить внимание на то, что «никто не выходит на митинг с требованием закрыть фабрику, выпускающую негодную обувь или непомерно дорогую мебель. Никому также не приходит в голову расхаживать с транспарантом, призывающим ликвидировать убыточное производство, хотя оно обирает народ не хуже, а „лучше“ кооперативов»⁴⁰. *Любовь к госсектору имеет вполне конкретный источник — тысячелетнее господство традиционализма, переросшего в синкретическую государственность, которая берет на себя человеческие заботы, растворяя личность в своей синкретической целостности.* История страны сложилась так, что лишь 15% заявляли о себе как о сторонниках частной собственности и рыночной экономики⁴¹; по другим данным, 20% считали себя сторонниками рынка и частного предпринимательства⁴².

В обществе происходили сложные процессы. «Явно снижается порог допустимых ожиданий, соответственно возрастают надежды на немедленный эффект, например потребительский»⁴³. Неуклонно росла тревожность, предчувствие чего-то ужасного, непредвидимого. Никто не знает, так как этого никто не изучал, какова реакция людей, которые *вдруг узнали*, что мир, в котором они жили и к которому так приспособлялись, — дискомфортный мир ужаса, несовместимый с человеческим существованием, *что жизнь, труд миллионов людей ушли на создание псевдожизни.* Понятный монолог тотема сменился плюрализмом.

Разумеется, люди с различной личностной культурой расценивали эту ситуацию по-разному. *Сильнейший критический*

³⁹ *Воцаное П.* НесЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ// Комсомольская правда. 1989. 12 дек. (курсив мой.— А. А.).

⁴⁰ *Бергер М.* Расцвет на грани ликвидации// Известия. 1990. 19 янв.

⁴¹ *Попов Н.* Спросите у народа// Советская культура. 1990. 27 янв.

⁴² *Годов А., Гражданкин А., Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Левада Ю., Семенов Л.* Наши надежды// Огонек. 1990. № 15. С. 3.

⁴³ *Левада Ю. А.* Какие ресурсы сегодня исчерпаны?// Постигение. М., 1989. С. 72.

импульс мог стать стимулом для творческого поиска пути, пусть длинного и сложного, к изменению ситуации. Но люди, придерживающиеся инверсионного типа мышления, могли реагировать и реагировали иначе. Вопреки официальному отказу от манихейства росло постоянное стремление описывать наши проблемы, движение перестройки в манихейских оппозициях: в процессе постоянных поисков врагов перестройки. *Те или иные негативные события объяснялись «антиперестроечными силами», кознями номенклатуры, бюрократии, коррумпированных элементов, мафии и т. д.* Более того, депутаты, собрания народных депутатов постоянно усматривали в доводах оппонентов мотивы, призванные якобы защищать корыстные интересы скрытых аморальных групп. Манихейские идеи подчас представлялись в наукообразной форме.

Правящая элита пыталась в конечном итоге найти выход на пути углубления либерального подхода к проблемам. Постепенно в этом движении страна практически перешла ту грань, которая в свое время на соответствующем этапе прошлого глобального периода ознаменовалась тем, что обычно называли февральской революцией 1917 года. Быструю и сравнительно безболезненную потерю партией монопольного права на единовластие, падение ее реального авторитета, полную неспособность высшей власти противостоять валу локализма невозможно объяснить с позиций общей убежденности в твердокаменной неспособности идеологии псевдосинкретизма к изменениям. Однако это находит простое объяснение в общей модели псевдосинкретизма, которая несет в себе возможность господства либеральной ипостаси, ее реализации. Насколько прочно и с какой полнотой эта ипостась реализует себя в рамках псевдосинкретизма на определенных этапах циклического глобального периода — это особый вопрос. На этом этапе про страну можно было сказать то, что сказал в апреле 1917 года приехавший в Россию из эмиграции Ленин: «Россия сейчас самая свободная страна в мире...»⁴⁴ Разумеется, эти слова следует понимать с некоторой оговоркой. *Свободной может быть лишь страна, где люди рассматривают свободу как высокую ценность, где сама свобода развивается как способность личности преодолевать ограниченность своих способностей и ответственности и обеспечивать соответствующее развитие свое и общества. Общество же на этапе перестройки характеризовалось ростом воли, т. е. освобождением от обязанностей, от внешних факторов, авторитетов.* Страна несомненно занимала первое место по стремлению превращать

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

любое распоряжение власти в повод для неповиновения, дезорганизации, по проповеди в печати антисемитизма и т. д.

Опыт жизни после февраля 1917 года свидетельствует, что общество не сумело воспользоваться плюрализмом и гласностью для выхода на путь либерального развития, для поиска основ демократического общества, но это не закрывает путь поиску альтернатив.

ЛОКАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

Локализм вышел на последнюю прямую, движимый стремлением уйти от тоталитаризма, авторитаризма, от высших центров власти, от государственности вообще. Процесс шел к атомизации общества, к бесконечному распаду на локальные миры, на сообщества, где все знают друг друга. Налицо инверсионная ловушка, господство представлений, что все беды прошлого исчезнут, установится идеальное общество, если как можно дальше уйти от дискомфортной ложной жизни. Идея локализма, получившая новое название «суверенизация», как пожар, охватила все общество.

Б. Ельцин, став во главе РСФСР, провозгласил лозунг суверенитета вплоть до местных советов. Локализм, следовательно, как определенное движение и одновременно как идеология проник на высший уровень власти России. Практически Ельцин, будучи в 1990-1991 годах председателем Верховного Совета РСФСР, столкнулся с локализмом как фактором, раздирающим Россию на части, с тем, что получило название войны суверенитетов, войны законов даже внутри России. Тогдашний председатель Комитета конституционного надзора СССР отмечал общераспространенность идей локализма: «Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что если то или иное государственное образование или даже административно-территориальное подразделение страны объявило в отношении самого себя „полный суверенитет“, то оно с сего момента вправе делать все, что угодно, принимать любые решения, совершать любые акции»⁴⁵. Локализм пытался нащупать свою традицию. Например, в Луганске вдруг вспомнили, что в 1918 году существовала Донецко-Криворожская Советская республика, которая на правах федерации отошла от Украины к России. Сторонники этого движения на определенных условиях выступали за автономию в рамках Украины⁴⁶. Красноярский крайсовет летом 1991 года принял решение о

⁴⁵ Алексеев С. С. Ставка слишком велика!// Известия. 1991. 12 янв.

⁴⁶ Киселев С. Луганск отделяется// Литературная газета. 1990. 31 окт. С. 10.

создании Енисейской республики, включающей Русский, Таймырский и Эвенкийский автономные округа; появились проекты создания Сибирской республики со столицей в Новосибирске и Дальневосточной республики со столицей в Хабаровске. Тюменская область, «поддавшись эпидемии суверенитетов, распалась, по сути, на три части. Два северных округа, где расположены все месторождения нефти и газа... требуют власти над недрами. Пока же, однако, был уходит на дележку продуктов и ширпотреба, завезенных по бартеру. А интересы хантов, манси, ненцев, чем оправдывались притязания на суверенитет, забыты»⁴⁷.

Локализм распространялся на все уровни общества, что неизбежно приводило к усилению борьбы между ними. *Руководство РСФСР, охваченное волной локализма, выступило в масштабе СССР как передовой отряд локализма, требующий республиканского суверенитета, что нанесло жесточайший удар общесоюзной государственности и воодушевило локалистские силы как на разных уровнях государства, так и в различных регионах и на территориях внутри РСФСР и в СССР в целом.* Это несло угрозу не только государственности СССР, но и Российскому государству в принципе. Борьба между Горбачевым и Ельциным, какими бы мотивами ни руководствовались лично эти лидеры, была высшей формой ожесточенного столкновения между исторически сложившейся формой интеграции общества в масштабах СССР и локалистскими силами. На стороне Ельцина было решающее преимущество, которое в России всегда приводило к победе — разогнавшаяся инверсионная волна. На стороне Горбачева была традиция российской государственности, которую, однако, постепенно покидали живые силы общества, прекращая воспроизводить целое, необходимые для этого ресурсы и отношения.

Против сохранения исторически сложившейся государственности действовала исключительная слабость существовавших культурных интеграторов — эта старая особенность Российской империи, которую советская идеология смогла преодолеть лишь на время. Второй, не менее важный фактор, действовавший в этом направлении, заключался в том, что исторически сложившаяся интеграция включала множество народов с разными уровнями развития и с разнообразным историческим опытом, причем территории части из них в свое время были захвачены военной силой, сами они подвергались в прошлом геноциду. Движение этих народов к независимости несло в себе опасность различного рода местных кон-

⁴⁷ Бинкин Б., Огнев И. От Трощкого к Адаму Смиты?// Известия. 1991. 15 июня.

фликтов. Ситуация осложнялась и тем, что в обществе плохо осознавались различия между государственной интеграцией, опиравшейся на представление о единстве русского народа, его культуры, и интеграцией разных народов. Защита этой смешанной интеграции в условиях роста национального самосознания, происходившего на фоне активизации локализма, была безнадежным делом. Однако сохранение интеграции на уровне России могло иметь шансы при условии спада инверсионной волны локализма. В борьбе российской государственности и государственности СССР проявился аспект, который можно было бы назвать курьезным, не будь ситуация столь трагична. Борьба руководства Российского государства была не борьбой империи с покоренным народом, как это пытались изобразить некоторые, но борьбой двух вариантов российской государственности, проявлением ее внутреннего кризиса, когда на волне локализма любые различия между уровнями интеграции управления имеют тенденцию превращаться в конфликт. Среди людей, боровшихся и голосовавших в парламенте за суверенитет России, т. е. практически за ликвидацию СССР, были и люди, настроенные имперски, которые одновременно или последовательно боролись за сохранение империи. Это логически бессмысленное сочетание может быть объяснено лишь господством логики хромающих решений.

В сложившейся ситуации М. Горбачев проникся *необходимостью экономических реформ*. Потребность в них вызывалась, с одной стороны, тем, что высшая власть более не располагала минимумом ресурсов, необходимых для сохранения своей роли как высшего держателя дефицита. Она оказалась неспособной обеспечить минимальный прирост производства. С другой стороны, усиливался нажим снизу, росла активизация локализма.

Идея реформы возникла как попытка легализовать, упорядочить, осмыслить неуклонно идущий процесс локализма, охватывавший производство, распределение и вообще все элементы жизни. Из-под контроля государства вырвались цены, зарплата; предприятия, регионы, республики стали сами распоряжаться своей продукцией. Это было победой нижних и средних уровней держателей дефицита над центральной властью. Было трудно осмыслить эти процессы, так как для этого не имелось соответствующего языка, соответствующей теории. Попытка этого осмысления была сделана на основе либерализма. Это был абстрактный либерализм, тощие выжимки которого культивировались у нас таким образом, что это позволяло описывать реальную битву разных уровней держателей монополии на дефицит в терминах либерализма, демократии и т. д.

Нарастание локализма описывалось как рост демократии. Появление иных идей, иная интерпретация локализма обществом не стимулировалась и не замечалась.

Общество, отступая под натиском локализма, нижних уровней держателей монополии на дефицит, пыталось осмыслить, упорядочить этот процесс, конструировало различные проекты реформ.

По мере того как ситуация все больше выходила из-под контроля, выдвигались все более радикальные проекты реформы и тем больше они приближались к идеалу полного разрушения сложившегося к началу перестройки порядка (административной системы, номенклатуры и т. д.). Еще в середине 1989 года экономическая ситуация находилась под контролем, на втором Съезде народных депутатов СССР в декабре было принято постановление, в котором сохранялась ориентация на пятилетку и о рынке упоминалось весьма глухо. Однако в начале 1990 года ситуация грозила стать уже неуправляемой. В марте 1990 года было принято постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось об «ускорении перехода к рыночной экономике». В мае на третью сессию Верховного Совета СССР был вынесен доклад «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Политика высшей власти неуклонно развивалась в определенном направлении. Сдвиг, если пользоваться терминологией экономической науки, шел от кейнсианской модели к монетарной, сводящей к минимуму экономические функции государства. Политика смещалась в сторону «шоковых», «обвальных» вариантов реформы, угрожавших скачком цен, банкротствами, безработицей, спадом производства.

В первом квартале 1991 года произошло резкое ухудшение важнейших хозяйственных показателей. Власть под давлением держателей дефицита теряла способность контролировать цены. Складывалось впечатление, что сменяющие друг друга правительства в конечном итоге лишь приспособлялись к процессу повышения цен, препятствовать которому власть могла все в меньшей степени. Этот процесс начался еще после реформы 1965 года. В 1991 году он приобрел лавинообразный характер. Отсутствие эффективных механизмов снижения, сдерживания расточительных издержек производства, инфляции издержек ставило власть перед альтернативой: дотация из бюджета или повышение цен. Розничные цены и тарифы на товары народного потребления и платные услуги в мае 1991 года составили 192% по сравнению с маем 1990 года⁴⁸. Все

⁴⁸ *Абалкин Л. И.* Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. С. 164.

труднее было административными методами сдерживать цены, и высшая власть скорее делала вид, что управляла этим процессом, чем реально его контролировала. В обществе, где господствовала монополия на дефицит, осознанное следование стремлению монополистов освободить цены от контроля означало, что реформаторы отступили под давлением этих монополий.

Цены росли под давлением вырвавшегося из-под контроля роста расточительных издержек производства. Правящая элита не имела концепции. Точнее говоря, в соответствии с практикой хромающих решений она придерживалась одновременно или попеременно по крайней мере двух взаимоисключающих концепций цен. С одной стороны, власть пыталась в духе традиционализма держать цены неизменными, даже снижать их, полагая, что тем самым обеспечивается стабильность общества и возможность определенного прогресса. Но, с другой стороны, власть эклектически следовала концепции развитого утилитаризма, которая открывала путь воздействию роста дохода на производительность, на рост и развитие, что открывало путь росту издержек производства, повышению цен. То, что эти два подхода разрушали друг друга, приводили к возрастающей дезорганизации хозяйства и общества, не принималось во внимание, во всяком случае, не занимало подобающего по значимости места в сознании реформаторов. Поэтому правительство чем дальше, тем больше отступало под натиском наращивающего издержки производителя в сторону повышения цен, что на определенном этапе перехлестнуло традиционный страх власти перед народным возмущением.

Политика эта не имела рациональной и продуманной основы. Она проводилась якобы для того, чтобы улучшить хозяйственную ситуацию, экономические показатели и в конечном итоге привести к развитию рынка. Очевиден явный обман зрения, когда под реальный процесс роста издержек и цен подводится некоторая удобная для данного случая уже известная экономическая концепция, которая и рассматривается как имеющая объяснительную силу и которую можно брать в качестве теоретической базы для проектов реформ. В действительности этот подход лишь отражает стремление общества, соответствующих групп психологически приспособиться к стихии, к вырвавшейся из-под контроля государством реальности. Здесь имеет место явная аналогия с выбором в прошлом в качестве основы для интерпретации российской реальности экономической теории Маркса, которая комфортно для определенных слоев общества «объясняла» российскую действительность как закономерно ведущую к «социализму». Этот

подход к реальности через готовые теории открывал путь для постепенного перехода к выбору все более либеральных концепций, т. е. таких, которыми можно было интерпретировать рост локализма как либеральный процесс, как процесс созревания демократии, рынка и т. д., таких, которые дают комфортную для либерально настроенной части общества интерпретацию событий.

Аналогичный курс проводило и правительство В. Павлова, который был «чистым» финансистом, проводил линию на дальнейшее ослабление вмешательства государства в хозяйство, перенося центр тяжести хозяйственной политики на сугубо бюджетные, финансовые процессы. Фактически эта политика была постепенной капитуляцией государства перед исключительной сложностью хозяйственной жизни. Тогда власть уже не имела другой возможности. Капитуляция инстинктивно прикрывалась верой, что отказ от вмешательства в хозяйство приведет к развитию экономики, к либеральной цивилизации, к рынку, рыночному социализму.

Капитуляция государства перед сложностью хозяйственных процессов фактически означала его банкротство как высшего держателя дефицита, как силы, определяющей принудительную циркуляцию ресурсов. Государство отступило перед держателями дефицита низшего и среднего уровня в результате неспособности воспроизводить ресурсы в масштабе исторически сложившихся потребностей.

НАСТУПЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Представляется достаточно сложным определить, в какой степени нарастание локализма усиливалось сложившейся в годы перестройки политикой правительств, в возрастающей степени подпадавшей под влияние локалистской инверсии. Ясно, однако, что рост локализма пронизывал все общество. На предприятиях он проявлялся в стремлении прочнее овладеть потоками дефицита, которые связаны с деятельностью этого предприятия, получать за свой дефицит другой, более ценный дефицит. Предприятия в условиях, когда открылась возможность укрепить свою монополию на дефицит, склонны были сокращать ассортимент производимых товаров, который всегда поддерживался силой государственной власти. Теперь для укрепления своей монополии на дефицит предприятия смогли уменьшить реальный объем производства. Усиление монополии на дефицит проявлялось также в росте безудержного накопления сообществом дефицита всех видов, что усиливало об-

щую дистрофию, удушающее воздействие дефицита на общество.

Такого рода процессы могут охватывать целые отрасли, например, сельское хозяйство. Проявилась сильная тенденция накапливать продукты сельского хозяйства непосредственно у производителей даже в ситуации, когда другой части общества грозила гибель от голода. В Московском областном совете, в частности, собирались установить 50-процентный налог от выручки, «если продукция уйдет за пределы области»⁴⁹. Монопольное накопление дефицита неизбежно приводило к гибели его части не только в результате естественной порчи, небрежного хранения, использования не по назначению, на пятистепенные нужды и даже во вред обществу (например, хлеба на самогон), независимо от общей потребности в нем общества. Дефицит гибнет в результате прямого уничтожения излишних в данном сообществе ресурсов, занимающих склады, компрометирующих его держателя, грозящих издержками реализации, ослаблением монополии на дефицит и т. д.

Важнейшее проявление усиления монополии на дефицит у того или иного сообщества (например, предприятия) — расширение свободы в росте издержек, производственных и любых других, попросту говоря, расширение возможности транжирить без всякого для себя ущерба любые ресурсы. Все равно монополия на дефицит позволяет переложить любые издержки на потребителя. Например, ослабление давления государства на предприятия позволило на этапе перестройки возрасти расходам на управление на предприятиях по стране с 36 до 46 млрд. руб. Для сравнения следует отметить, что все расходы на центральные органы управления, которые в массовом сознании выступают часто как главный паразитический элемент, составляли всего 4 млрд. рублей⁵⁰. Следует отметить, что в этой ситуации некоторые кооперативы, удачно захватившие свой канал дефицита, получали высокие доходы при высочайших издержках и подчас крайне низких затратах труда.

Важной особенностью локальных миров, пошедших по пути локализма, было укрепление социальных связей на основе личных отношений ограниченной группы хорошо знающих, доверяющих друг другу лиц — держателей дефицита. Обратной стороной этого процесса стало отступление, подавление профессионализма, снижение способности, если она в той или иной степени была достигнута, подчинять отношения решению

⁴⁹ Панина Т. У разбитого корыта: Как душат и Московской области// Крестьянская Россия. 1991. 10 авг.

⁵⁰ Государственный бюджет — дело общее. (Телепередача.) М., 1991. 11 янв.

сложных проблем, т. е. подчинять структуру функциям. *Локализм всегда связан с подавлением жесткой структурой общества возможности изменять, совершенствовать функции деятельности.*

Локализм проявлялся в значительной степени в хозяйственной жизни, в разрушении хозяйственных связей, в таможенной войне, в попытках под разными предлогами и без предлогов отказаться от своих обязательств по поставкам дефицита (например, раздавались угрозы прекратить снабжение городов, прежде всего Москвы и Ленинграда). Подобные попытки «придушить» «мать городов русских» со стороны окружающих великорусских областей невольно вызывают вопрос — завершилось ли становление единого русского народа или общество продолжало еще жить в период господства племенных отношений?

Наступление локализма вызывало в обществе волны дезорганизации. Одна из форм борьбы локализма за свое утверждение — борьба за цены, которые в условиях господства монополии на дефицит имеют совершенно иной смысл, чем в условиях рыночного хозяйства. Всякое изменение цен — это прежде всего результат борьбы социальных сил, действующих подчас угрозами дезорганизации отраслей. Повышение цены может быть всего-навсего перекачкой средств от рядового потребителя к ведомству, которое выступает не только как мощная локальная сила, способная диктовать власти. Как ни парадоксально, но *в условиях господства монополии на дефицит фактором силы ведомства может быть его слабость, вызывающая страх общества, что крах отрасли лишит его жизненно важной, дефицитной продукции.* Тем самым эта отрасль может выкачивать бесконечные, неизвестно куда девающиеся средства. Ведомство может само следовать мощному нажиму своего персонала, требующего повышения зарплаты, что влечет за собой и повышение цен. При отсутствии рынка все это в лучшем случае игра с нулевой суммой, т. е. то, что дается одним, отнимается у других.

Правящая элита в условиях перестройки неуклонно отступала перед давлением локализма, силы, направленные на укрепление центральной власти, постоянно слабели. Это подрывало основы государственности, что проявлялось, в частности, в стремлении умножить собственность локальных миров, подчас путем прямого захвата государственной. Захватывались, например, государственные леса, территории заповедников, которые после этого подвергались хищнической эксплуатации. Перемещение собственности вниз означало слом запечатленной в ней исторически сложившейся воспроизвод-

ственной программы целого. Одновременно усиление монополии на дефицит в локальных мирах повышало зависимость личности от этих миров, ослабляя эффективность защиты ее государством от произвола местных властей. Именно здесь таится опасность активизации глубинных основ крепостничества, что не исключает и иных тенденций.

Локализм ярко проявлялся в сельском хозяйстве. При росте урожая хлеба сдача его государству снижалась. В 1989 году при валовом сборе зерна примерно 210 млн. тонн госпоставки составили лишь 58 млн. В прошлые годы при получении в среднем 195 млн. тонн госпоставки составили 73-74 млн.⁵¹ В 1990 году при урожае, близком к рекордному, госзакупки составили около 68 млн. тонн, на 20 млн. тонн ниже госзаказа. Доля сдачи зерна государству составила 29% от валового сбора. В 1991 году валовой сбор зерна составил не более 180 млн. тонн. При этом предполагалось, что «выжать» из совхозов и колхозов госпоставок удастся не более 42-43 млн. тонн, т. е. на 40% меньше, чем в 1990 году. Из них лишь половина могла быть использована на хлебопечение, производство макарон и круп. В среднем в обычные годы на продовольствие в СССР расходовалось 45-46 млн. тонн зерна. Дефицит продовольственного зерна, следовательно, существенно приблизился к 30 млн. тонн⁵². По России в 1991 году был намолочен 91 млн. тонн, а госзаказ составил лишь 22,5 млн. при потребности в 50 млн. тонн. Остальное должно было импортироваться, на что требовалось около миллиарда долларов в месяц⁵³. Министр продовольствия уже констатировал, что положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб»⁵⁴. Но слова эти принадлежат министру продовольствия в правительстве А. Керенского А. В. Пешехонову. Очевидно, что описываемые проблемы могут быть поняты не изолированно в рамках того или иного этапа, но как важный аспект истории страны, не исчезающий в разных глобальных периодах.

Локализм активизировался на всех уровнях. Например, анализ выступлений на Всесоюзном совещании представителей рабочих, крестьян, инженерно-технических работников в январе 1990 года показывает, что «добрая половина ораторов отстаивает ведомственные интересы, налицо коллективный эго-

⁵¹ Милосердов В. Ох уж это сальдо// Литературная Россия. 1990. 3 авг.

⁵² Сизов А. Горы неоплаченных счетов вместо импортного зерна// Известия. 1991. 12 ноября.

⁵³ Хлеб — всему голова// Российские вести. 1992. № 4, 24 апр. С. 7.

⁵⁴ Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т. Куда идет суд?!// Родина. 1989. №10. С. 75

изм, не учитывающий общего положения»⁵⁵. При этом любопытны были не только негативные хозяйственные последствия такого подхода, но и прежде всего удивительная инфантильность выступавших, которые боролись за ослабление власти высших уровней управления и одновременно против последствий этого ослабления.

Локализм приводил к снижению производства. Например, еще в 1958 году, имея большие надежды на целинный хлеб, Хрущев «освободил от обязанности поставлять зерно государству всю зону Нечерноземья. Думал: пусть ихнее зерно остается у них, будут кормить им скот. Черта с два! Они тут же свернули свое зерновое хозяйство, как будто оно не ихнее, это хозяйство, а чужое, его, хрущевское. Понадеялся на их сознательность, считал, что они чувствуют себя ответственными хозяевами. В Московской области, по сравнению с пятьдесят третьим годом, уменьшили посевы зерновых на 42 процента, изгнали гречиху. Что же у них вместо зерновых, вместо гречихи? Да то, что не требует труда и заботы, о чем все они, лодыри, мечтают, что спят и во сне видят — однолетние травы. Площадь под ними увеличилась в четыре раза, сена же берут 9 центнеров с гектара — стыдно смотреть на такую цифру»⁵⁶.

В самой этой реакции на ослабление административного нажима ничего удивительного нет, так как при отсутствии рынка потребительский интерес общества доходит до производителя главным образом через приказ чиновника. Удивительно другое: что богатая практика подобных негативных попыток оживления хозяйства как бы не существует для проектов реформ.

Локализм пронизал новую власть вплоть до самых ее верхов. Это выразилось, например, в изменении состава избранных депутатов. Раньше в Верховном Совете СССР «младший комсостав» был представлен лишь символически. Исключение составляли лишь колхозные руководители. В Верховном Совете СССР, избранном в 1989 году, их доля среди депутатов приблизилась к четверти⁵⁷. Поднятие вверх по капиллярам власти локалистских ценностей означало, что сама власть в большей или меньшей степени стала проводником массовых ценностей, среди которых существенное место занимает опережающее стремление к потреблению, к пользованию различного рода социальными программами и отставание потребности в производстве соответствующих ресурсов, стремление локаль-

⁵⁵ Известия. 1990. 20 янв.

⁵⁶ Стреляный А. Год личной жизни. С. 133.

⁵⁷ Назимова А. К., Шейнис В. Л. Выбор сделан// Известия. 1989. 6 мая

ного мира получить ресурсы из внешнего мира и минимизировать поставки своих собственных ресурсов. Этот разрыв, расширение которого раньше сдерживалось административной властью, в результате *прорыва локализма к высшим уровням власти* получил свое воплощение в катастрофических перекосах в бюджете, в инфляции, в попытках за счет чисто фиктивных манипуляций с доходами и расходами увеличить личные доходы. Возрастающее давление снизу стимулировало возникновение популистских правительств и парламентов, которые стремились прежде всего «удовлетворять потребности», а не создавать условия для умножения ресурсов. Ушедший в отставку министр финансов РСФСР писал про свое правительство: «Мы постоянно занимаемся раздачей денег и льгот, что ведет просто к банкротству России»⁵⁸. Под этим давлением общесоюзный бюджет в возрастающей степени превращался в бюджет социальной опеки. Более 100 млрд.— дотация к розничным ценам, 30 млрд.— жилищное строительство и дотация на содержание жилищного хозяйства. 67,5% расходов идет на социальные нужды. Принятые на 1991 год социальные программы требовали еще 47 млрд.⁵⁹ Все это происходило при отсутствии перспектив на рост соответствующих ресурсов.

ЧЕТВЕРТАЯ КАТАСТРОФА

События 19—21 августа 1991 года, получившие неадекватное название путча и приведшие к самоликвидации высшей власти в масштабе СССР и к последующему его исчезновению, *позволяют выдвинуть гипотезу: седьмой этап второго глобального периода, а вместе с ним и второй глобальный период в целом завершены*. Попытка переворота по сути дела была направлена на задержку этого процесса, на торможение нарастающего потока локализма. На 20 августа было назначено завершающее так называемый «ново-огаревский процесс» подписание нового союзного договора девятью республиками, которые еще соглашались на сохранение ослабленного варианта союза. Неудача переворота означала решающую победу локализма, крах общесоюзной государственности. Произошло событие, значение которого для судьбы страны и всего мира соизмеримо по масштабам с крахом общества первого глобального периода и переходом ко второму периоду в 1917 году.

Основная причина, которая привела общество к этому результату, заключается в том, что *события на протяжении*

⁵⁸ Федоров Б. Не хочу поддерживать иллюзии// Известия. 1990. 27 дек.

⁵⁹ Известия. 1990. 30 дек.

второго глобального периода, которые одним казались радикальной революцией, а другим — гибелью страны, не вывели общество за рамки исторической инерции сложившихся социальных альтернатив, за рамки экстраполяции накопленного исторического опыта на настоящее и будущее. Начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма волна локализма, испытав определенные колебательные движения, со второго удара привела общество к состоянию, близкому к противоположной крайности. Это означало катастрофическое нравственное и организационное ослабление воспроизводства, поддержки государства.

Окончание глобального периода определяется тем, что в рамках исторической инерции оказалась исчерпанной программа инверсионного цикла, круг возможных последовательных комбинаций господствующих нравственных идеалов. При всех поворотах, которые произошли в обществе за этот период, оно ни на одном этапе не поднялось до реализации принципиально новых социокультурных альтернатив, определяющих для общества в целом. Используя либеральные самооценки, общество, начиная с краха крайнего авторитаризма, шло по пути локализма, который в большом обществе нефункционален, утопичен, чреват непрерывными локальными и общими конфликтами. Его негативные последствия неизбежно вызывают массовое дискомфортное состояние, которое обрушивается прежде всего на «виновников» этого процесса, в качестве которых всегда выступают «начальство» и другие оборотни, т. е. группы, которые массовым сознанием рассматриваются как носители зла. В народе перестройка в конечном итоге вызвала дискомфортное состояние, росла ненависть к «начальству», которое «имеет дачи и думает только о себе». Первое лицо (М. С. Горбачев) потеряло свой сакральный характер и стало отождествляться с тем же начальством, что свидетельствовало о серьезной угрозе центральной власти, стабильности государства вообще.

Об окончании второго периода свидетельствовала потеря массового согласия на выполнение решений центральной власти, упразднение самого аппарата власти: президента, правительства, министерств и т. д. Власть не была разгромлена в результате заговора или восстания. Она испарилась. Общество лишило государство своей воспроизводственной социальной энергии, своих ресурсов. Горбачев, лавируя в этой отчаянной ситуации, оставлял одну ставшую безнадежной позицию за другой. Однако манихейский по своему характеру массовый отказ поддерживать центристскую политику сделал ее невозможной в буквальном смысле слова.

Либералы отказали Горбачеву в поддержке, требуя проведения реформ (хотя реальное их содержание продолжало оставаться некоторой абстракцией), а также ликвидации остатков старого аппарата власти (который обладал всем набором общеизвестных пороков, но при этом оставался единственной реальностью власти в масштабе целого). Этот конфликт между первым лицом и либералами усилил рост массовой враждебности к руководству. Отход либералов в оппозицию вывел их из-под непосредственного удара, направленного против центра. Эта ситуация, если ее сравнивать с шахматами, соблазняла своей возможностью начать атаку на незащищенного, лишенного фигур короля, овладеть центром бессильной власти и вдохнуть в нее жизнь, но на иной нравственной основе.

Правящая группа, окружавшая Горбачева, сделала попытку остановить поток локализма, нарастание всеобщего развала установлением жесткого авторитаризма. Она пыталась насильственно отстранить Горбачева, совершив тем самым государственное преступление. Самой любопытной подробностью этой попытки была, пожалуй, неспособность заговорщиков использовать свои многочисленные, бесспорно подавляющие вооруженные силы против людей, сплотившихся вокруг Президента РСФСР Б. Ельцина в Белом доме. Именно это обстоятельство, как никакое другое, бросает свет на суть исторических событий. Ими управляют какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства. Эти скрытые факторы оказались за пределами понимания заговорщиков, которые повторили неоднократно случавшуюся в истории России ошибку высшей власти или сил, на нее претендующих,— пытаться вести страну в противоположную ярко выраженному направлению массовой инверсии сторону. Иван Грозный пытался установить крайний авторитаризм тогда, когда в обществе господствовал умеренный. Александр I проектировал либеральные реформы, что не имело ни малейшей поддержки в обществе. Екатерина II также пыталась ввести либеральные изменения, но это не могло тогда встретить сочувствие.

Ставка заговорщиков на авторитаризм себя не оправдала, несмотря на то что в народе ощущалось усиление тенденций к сильной власти. Она, как полагали многие, сметет «болтунов-демократов», которые, как и всякое начальство, непременно воруют. В народе зрело стремление обрести власть, способную справедливо распределить имеющиеся ресурсы, подавляя спекулянтов, богачей, воров и т. д. И все же даже на фоне этих устремлений введения чрезвычайного положения потерявшей авторитет властью оказалось недостаточно для возврата авто-

ритаризма. Сами люди, которые пытались его утвердить, олицетворяли ненавистное начальство. Как сказала одна женщина в очереди: «Они уже все себе наворовали, а теперь просто борются за власть». Формула эта не очень точна, но достаточно ясно свидетельствует о массовых настроениях. Хотя в стране крепнет стремление к «порядку», что в России исторически всегда совпадало с авторитаризмом, однако ценности «порядка» не соединились с «начальством». Кроме того, очевидно, локализм еще не дошел до крайних форм дезорганизации, не изжил себя в массовом сознании.

В борьбе «начальства» против харизматического вождя первое всегда проигрывает. Б. Ельцин — харизматический вождь России — с безошибочным чутьем занял бескомпромиссную позицию и стал национальным героем. Провал заговора нанес последний удар обанкротившейся, подорванной локализмом центральной власти. Он повлек за собой крах всей сложившейся системы управления и прежде всего партии нового типа, старой государственности вообще.

Крах КПСС по своему значению несопоставим не только с поражением и уходом от власти какой-либо правящей партии на Западе, но даже со свержением однопартийного диктаторского режима в той или иной стране третьего мира. В России оказался разрушенным сам принцип, сами организационные основы власти, парадоксальным образом приспособленной к расколу, к необходимости принимать хромящие решения. Ликвидация власти партии — свидетельство не только банкротства власти, которая связывает часть и целое, части между собой, но и банкротства сложившегося на основе определенного нравственного идеала общества, распада его нравственных основ, идеологии, самоидентификации. Общество, как это было на последнем этапе прошлого периода, оказалось неспособным, во-первых, сдерживать дезорганизацию в приемлемых для существования общества рамках, обеспечивать необходимую интеграцию, во-вторых, обеспечивать необходимый минимум ресурсов.

Падение партии имело еще одно важное следствие. Советы, к которым теперь, казалось бы, должна была перейти власть, оказались нефункциональными. *Падение власти партии нового типа означало фактически падение власти советов. В полной мере выявилась их неспособность реально управлять. Фактически, идея совета как некоторого соборного управляющего самодостаточного института не могла быть воплощена в большом обществе и неизбежно постоянно вырождалась, заменялась авторитарными формами (что и показала убедительно вся история СССР).*

Раскол в правящей элите был тем толчком, который полностью дискредитировал уже до крайности ослабевшую под давлением локализма власть. Как и в прошлом, центральную власть некому было защищать, она распалась, растворилась в воздухе, оказалась как бы несуществующей. *Выявилось, что в минуту кризиса высшая власть великой империи, державшей в страхе весь мир, не имела реальных защитников, как не имели их царская власть и Временное правительство в 1917 году.* М. Горбачев — еще одна трагическая фигура в истории России. Его замыслы обернулись своей противоположностью. Его действия ускорили скрытую активизацию локализма, но не явились их причиной, как это многие наивно полагают. Его ошибки объяснялись неадекватным видением общества через абстрактный либерализм. При этом, однако, не следует забывать, что интеллектуальные силы общества мало сделали для создания адекватной духовной атмосферы, которая соответствовала бы сложности назревших задач. *Неадекватность решений, принимавшихся Горбачевым,— результат общего низкого уровня научного проникновения в реальность, господства мифов, превращения решения любой сложной проблемы в борьбу мифов.* Власть была перехвачена следующим уровнем, т. е. республиками. Вече трех славянских большаков, глав трех государств — России, Украины и Беларуси — политически возглавило процесс ликвидации СССР.

Очередная катастрофа государственности включала в себя по крайней мере два разнородных элемента. Она выглядела прежде всего как *крушение империи*, как распад на те государственные образования, которые и раньше признавались в качестве государств, хотя фактически не были таковыми. Распад империи, к которому никто не был подготовлен, означал, что в наследие будущему остается бесчисленное множество конфликтов, связанных не только со спорными территориями, но и с тем, что в сложной чересполосице народов стремление к независимости порождало *целую цепь дальнейших конфликтов между народами, населяющими республики.* В наследство остался также конфликт по поводу раздела собственности, армии, распределения ресурсов и их перевода на новые основы и т. д.

Распад империи означал упрощение системы, возможность решать накопленные проблемы в рамках менее сложных образований, опираясь на потенциалы, накопленные разными культурами в разных условиях. Однако запутанность, переплетение взаимных связей и неизбежный взрыв взаимных претензий, устрашающие перспективы борьбы за советское наследство требовали сохранения определенного консенсуса.

Крах империи неизбежно несет опасность катастрофических событий, не исключая возможности национальной катастрофы для тех или иных народов бывшего СССР. Сложность оставленных проблем превышает накопленный позитивный опыт их разрешения.

Все это относится и к собственно России. Ее специфика заключается в исключительной слабости культурных интеграторов даже для собственно русского народа. Это обстоятельство, осложняемое возможными конфликтами с другими народами, населяющими Россию, также несет в себе угрозу катастрофических последствий. Соответствующие процессы и должны стать предметом самого пристального изучения, но они лежат уже за рамками второго глобального периода.